

ИНГА ОБОЛДИНА:

«СЕЙЧАС У НАС ЦАРИТ
КИНО МОРДАШЕК
И МОРДОЧЕК»

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

Инга Оболдина, восходящая звезда отечественного театра и кино, приехала в столицу из далекого Кыштыма с твердым намерением трудиться изо всех сил, чтобы завоевать ее: и преуспела в этом. Позади работа в школе-интернате, учеба в мастерской Петра Фоменко. Получены самые престижные театральные награды — премии «Московские дебюты», Станиславского и «Триумф». Сыграны яркие роли в кино, например «Небо. Самолет. Девушка». Позади съемки в куче сериалов и работа с Някрошюсом в «Вишневом саде» — и вот она, по всеобщему убеждению, уже на подходе к театральному Олимпу.

Вы провели в Питере довольно много времени: летом репетировали пьесу Курейчика «Сбитый дождем» в «Приюте комедианта», осенью была премьера, потом играли в спектаклях «Сахалинская жена» и «Мата Хари» на сцене Театра Эстрады. Вам комфортно в Питере — или в Москве лучше?

Нам все здесь ужасно нравится. Мы ле-

том с мужем Гарольдом ходили-бродили по городу в летние ночи: тут столько уютных кафе, на два-три столика, в Москве таких нет. Мы плавали по всем каналам и рекам, наслаждались видами города: белые ночи в Петербурге — это действительно что-то необыкновенное. Чем-то город временами напоминал нам Рим — куполами, блестящими на солнце, очертаниями набережных.

Что ж тут удивительного? Петербург строили итальянские архитекторы, а Казанский собор — это вообще уменьшенная копия собора св. Петра в Риме.

Да, теперь я понимаю, почему за границей так реагируют, когда мы сообщаем, что приехали из России. Все сразу восклицают: «А, Санкт-Петербург!» Никто не скажет: «А-а, Москва...»

Думаю, теперь вы будете чаще приезжать: как-никак «Приют комедианта» — репертуарный театр, и в его афише значится спектакль, где вы сыграли главную роль Элисенды.

Да, вся моя жизнь уже распланирована на год вперед. Я знаю расписания всех спектаклей, где занята: в данный момент я играю в шести спектаклях, четыре из них — спектакли «СтрелкоVтеатра» и два — на стороне: «Вишневый сад» Някрошюса и спектакль Трушкина.

Как вы ухитряетесь совмещать театр и бесконечные съемки в кино и телесериалах?

Я пришла к выводу, что если актер не играет в театре, он и в кино окажется несостоятелен. Либо состоится — в трех-четырех картинах. Потом он истощивает себя. Дальше — сплошное тиражирование и самоповтор. А театральный актер имеет возможность развиваться, внутренне расти. И на экране проявляется эквивалент его театральных возможностей. Как-то раз на дне рождения Андрея Эшпая мы разговорились: кто в кино может найти новые пути, новую выразительность. Я убеждена: только театральный актер. Сейчас у нас царит кино мордашек и мордочек, к сожалению. Никто не заинтересован в появлении крупных хара-

уже давно, лет семь-восемь назад. Люди ушли из МХАТа, из «Табакерки», из театра Маяковского и пришли к нам. Вот уже восемь лет мы сотрудничаем. Объединение «СтрелкоVтеатр» прокатывает спектакли, возит их на фестивали. Недавно сняли кино, полный метр, по двум поздним новеллам Набокова — «Знаки и символы»

УВИДЕЛИ СИМПАТИЧНУЮ МОРДАШКУ, ПОСТАВИЛИ В СЕРИАЛ, ИСПОЛЬЗОВАЛИ ДО КОНЦА — И ВЫКИНУЛИ. И ЭТО УЖАСНО, ПОТОМУ ЧТО ФИЛЬМОВ МНОГО, А ЛИЧНОСТЕЙ НЕТ

ктеров, крупных индивидуальностей. Увидели симпатичную мордашку, быстренько ее поставили в сериал, использовали до конца — и выкинули. И это ужасно, потому что фильмов много, а личностей нет.

Но вы избежали этой судьбы? Видимо, благодаря мужу — режиссеру Стрелкову?

Я такая, какая есть, благодаря Гарольду. Если я состоялась как актриса — то потому, что он рядом. На самом деле мы составляем такое двуединое целое. Это ни хорошо, ни плохо, это данность. Я не могу этим хвастаться и всем говорить: «Вот у меня муж режиссер, и я играю в его спектаклях». Это все — следствие. Просто состоялась наша детская мечта: чтобы нас звали везде вдвоем, его как режиссера, и меня как актрису. Сейчас это случилось: мы несколько лет живем в таком режиме, наша частная жизнь и работа неразделимы. Теперь у нас есть свое объединение «СтрелкоVтеатр» и театр «АпАрте», в котором мы делаем все свои спектакли. В «АпАрте» нас взяли всех вместе, командой,

и еще одной. Две истории переплетаются. Сценарий, как всегда, писал Гарольд. Обговариваем с Алексеем Учителем права, как запустить картину. Да, хорошее время было в нашей жизни, когда мы репетировали «Сбитый дождем». Ведь самое главное в актерской жизни — это не премьеры и фанфары, а встречи с людьми. Мы полжизни проводим на репетициях, играем вместе. И эти ежедневные встречи тебе либо приятны, либо нет. Вот с питерской командой мы чувствовали себя потрясающе комфортно. Все были талантливы, все всё понимали и всё могли: не приходилось делать никаких скидок. Не было заторов, никто не кричал: «Стоп!». Мы репетировали, шли-шли — и дошли до конца. Конечно, благодаря Стрелкову: он как режиссер точно знал, чего он хочет, точно знал, как выстроит спектакль. И никогда не возникало никаких вопросов: «А почему так?». Не было капризов, никаких «мне это не нравится». Это был очень светлый период. Мы заканчивали репетиции, как белые люди, в пять вечера. Потом гуляли, заходили в кафе... И спектакль получился

добрый, в стиле наивной живописи. Ставили историю про ангела — и период в жизни был просто ангельский. В Москве такое невозможно: вечно куда-то мчишься, у тебя сто дел, которые нужно сделать.

Здесь, в Питере, ритм жизни другой. И все новое принимают очень осторожно. Наверное, это хорошо. Вот у нас

в Москве уж если приняли «Новую драму», то на смерть. Плохо или хорошо, со вкусом или безвкусно — не важно, это модно. Точка.

Здесь такого не может

произойти. Питер более консервативен, это правда. Но в этом есть и преимущество: шелуха отбрасывается.

Ладно, Москву вы завоевали. А как у вас в плане жизни?

В плане жизни все очень хорошо. Уже есть квартира у нас, у мамы, у дочки Гарольда. Быт сложился. Конечно, совершенству нет предела, и быт можно улучшать до бесконечности.

А о продолжении рода не думали? Есть такое в планах?

Есть, конечно есть. Но тут возникает сразу куча интересных проектов — и откладываешь на потом. Впрочем, я всегда считала, что театр — это игра. И когда я слышу высокопарное: «У меня нет семьи, потому что я положила жизнь на театр», всегда думаю: «Глупейшая фраза. Ну так ты положила жизнь на игру». ■